

Виктория Соловьёва

Дорогу тонкий завесил саван

Электричка

Электричка полна народу,
что икрою набит живот.
Ломит лавки, как на погоду.
Занят тамбур и весь проход.

Меж рядами идёт торговля—
запах рыбы и табака.
Индивид, распутив оглобли,
шарит в сумках исподтишка.

Мальчик тянет глухим прононсом,
что у кошки артрит ноги.
Да, засело в мозгах занозой:
«Но трогать её не моги».

Запах тел и входных билетов,
стук колёс и прошедших дат.
В запылённых окошках свет,
рельсы плавно летят в закат.

Ливень тихо бормочет

Ливень тихо бормочет,
словно в телике «Вести».
Громыхнёт—перекрестит
окна—вяло, разочек...
Батя снова приложит
губы к сальной бутылке
и читает, напившись,
чистоглазого Рильке.

Даже в профиль—похоже.

Это осень взыграла—
слёзы сохнут повсюду...
Вилка молнией к блюду—
ловит лодочку сала.
А в глазах-недомогах
не тоска, а тоскища.
Этой осенью нищей
что-то выпало много
и дождей, и проклятий—
вот и тянет на строчки.
Боль расставит все точки...

Жизнь из точек, да, батя?

В нашем яблочном детстве

В нашем яблочном детстве—
пионерская зорька и зарядка под гимны,
строевые речёвки и подвижные игры...
Лисопед—по наследству,
без единой педали.
По наследству сандалии и потёртые шорты,
мы тогда и не гнались за капризами моды.
Но прорехи латали...
Брали форму на вырост,
но, окупившись, вышли, может, просто дорвались,
как мальчишки до ямба... Google, «Яндекс» и Rambler—
мозг и память навывнос.
В этой новой реальности
небо, спавшее в лужах, потихонечку слили.
И, увы, не распробовать, на вздох не осилить
эту детскую радость—удивлению сини...

Вечер

Котейка, коврик собирая в складки,
гонял по кругу солнечного зайца.
А осень целовала всех в макушку
и распускала кружева на прядки,
на паутинки, не жалея пальцев.
Оса крутилась возле сладкой лужи.

Казалось, разливает время мёды...
И крылья грациозно рассекали
густую, настоявшуюся лень.
Под солнцем наливался куст паслёна,
подвяливались кислые ткемали
и изменялись, будто чьё-то мненье.

Над чашкою, где запах амаретто
соединился с горьким вкусом кофе,
витали струйкой мысли о потерях.
Стояло бабье золотое лето!
И вечер припозднился в светлой коффе,
ещё не веря в холод, всё не веря.

А ты поверил...

Доротея

Доротея, держись за свет
и лети над пропастью голубой.
Ничего в этом мире нет,
кроме войн, кроме горьких бед
и крестов над чёрной землёй.

Ты единственная из них
умеешь свободно летать.

Помнишь, как спросила у меня:

«Зачем?

Зачем эта боль,

зачем руки так распрямлять?..»

Улыбнулся—такая свобода, такая судьба у тебя.

Ты—дарована Богом, но

они попытаются тебя распрясть.

А теперь спасайся!

Они не простят иных.

Им убить тебя проще, чем поверить,

что способности заложены в чистой человеческой природе.

У них у каждого живёт червь сомнения.

Червь убивает, поэтому они живут на земле—

и никогда в небе.

Доротея, держись за свет,

не складывай свои синие крылья.

Они не поймут ни тебя, ни твоей жертвы,

даже если вырежут сердце

и измерят длину твоих рук.

Доротея, они считают до двух,

и ответов у них два: «да» и «нет»,

но «нет»—самый частый.

Помнишь, как пришивал пёрышки,

подбирая одно к одному?..

Я дал тебе жизнь,

пожалуйста, не разбейся,

держись!

На даче

На даче шорохи спелых трав,

поющей сливы, листов кизила.

Спят у поленницы два ведра.

Стул—у калитки. У вишни—вилы.

Не прибираю—всё по местам.

Оставлю лавочку и чурбанчик—

здесь ловят сети... И ты всегда

всех привечала, кто брёл на дачи.

Вчера дождём—будто мир крещён—

дорогу тонкий завесил саван...

Смотрю, а стул-то... как освещён,

ну, здравствуй, мама.

Надела кофту, да, Боже мой,—

нашла платочек на дне кармана.

А кофта пахнет ещё тобой...

И сад волнуется: мама, мама...

Подсолнухи

Подсолнухи лежали на столе—
большие, почерневшие за лето.

Летал комар над охрой сухоцвета...

Рассказывал Петровне о луне

кобель соседский, пустообрёха Порох.

Под стол листва набилась и шутя

шушукалась по-доброму, любя.

Петровна семена считала споро...

У Пороха в желудке—пара рифм.

Протяжный лай несётся к Далай-ламе...

Соседка занялась теперь делами.

Та косточка, что пахла мясом,—миф,

и оттого так плачет сентяблями

соседский пёс на глупый лунный круг.

И семечки летят чернее мух—

подсолнух перезрел, повис зубцами.

И пёс весь день не переводит дух.

И листья жгут, никто их не считает...

Где-то в деревне, на северо-западе России

Скоро перейду на самовыпас—

лук взошёл, и нежится земля.

Я, сынок, с землёю как-то свыклась,

не тревожся сильно за меня...

Печь зимой не каждый день топила—

тёплая, капризная зима.

Можно обходиться, всё терпимо...

только не закрыли бы сельмаг.

Руки не вымешивают тесто,

раньше силы были—это да!

А теперь, старухи, из окрест-то—

все за хлебом тянемся туда.

У слепой Агафьи нынче праздник—

соберёмся, песни попоём.

Никодим залатыват подряник.

Вот где голос! Вспомнит о своём...

Полетит печаль до полустанка,

глянет на скудельницу и сад...

Ты-то как? Внучка бы мне понянькать—

и тогда бы можно помирать.

Ручейки облизывают кочки,

слишком жаркий выдался апрель.

Он читал письмо. В последней строчке:

жаль, что почты нет у нас теперь...

На столе—помытая посуда.

Выстлали дорогу небеса.

Разошлись, но всё ещё под утро

дом скрипел, как будто замерзал.

Трамвай

Звенел-гудел— всё бесполезно. Заскрежетало колесо.
Собака, сослепу наверно, легла на рельсы. Как в кино.
А я, почуяв, что неладно, что мне её не обойти—
давил звонок что было силы, а сил-то не было почти...

Зачем она пришла? Откуда? На сердце тяжелеет груз...
И видно, что собаке худо. Среда. Октябрь заскорузл.
Боюсь, скриплю: «Беги, собака! Беги, меняй слепой маршрут.
Мне не взлететь. Давно пытался, напрасно, видишь, снова тут...

Моя среда—земля, не небо, в программе путь закрыт наверх.
И даже тот, кто крутит нервы, он тоже... только человек».
Но я почувствовал, как больно, как в каждом клапане першит,
и полетел. Держало небо, спасало три живых души.

Жили-были...

Птичка

Держишь птичку в ладонях
и думаешь: полюбуюсь и отпущу.
Но не отпускаешь,
потому что Димка тоже хочет поддержать живую птичку.
Самое счастливое—ощущение тепла в руках.
Радуетесь, даже не осознаёшь, насколько ей плохо...
Слишком неумелые детские души.

Кошка

Могла купить золотую цепочку
или клёвые кроссы...
И была бы счастлива ещё два дня, примеряя вещицу.
Но купила два дня жизни для кошки.
Она смотрела в мои глаза,
и я чувствовала, как больно её душа перетекала в мою.
За эти два дня я научилась видеть в темноте
и разучилась говорить.
Кошка, я тебя вижу...

Собака

Тебя нет.
Ты не нашла меня.